

Д

И

К

А

Н

Н

Е

Я

Д

А

Р

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Часть 1.

Дикий Металл

Anne Dar

Дикая. Часть 1. Паддок

«Автор»

2022

Dar A.

Дикая. Часть 1. Паддок / А. Dar — «Автор», 2022 — (Дикий
Металл)

В пространстве Паддока есть: 1) чётко очерченные границы; 2) чётко обозначенные локации; 3) неизменный день прибытия; 4) варьирующееся число обитателей; 5) один охотник. В этом месте выживают только самые везучие из тех, кому не повезло сюда попасть. Поиск выхода - смысл, обязанности - необходимость, риск - привилегия. Привилегия здесь и память. Однако любая прерогатива обязывает к ответственности. В результате всё сводится к выдержке, моральным установками и непоколебимости веры. В месте, в котором возможно потерять всё, рождается настоящая сила.

Содержание

Часть 1.	6
День 1.	6
Глава 2.	8
День 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	13
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	23
День 3.	23
Глава 8.	26
Глава 9.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Anne Dag
Дикая. Часть 1. Паддок

Посвящается

N

.

Часть 1. Паддок. Глава 1.

День 1.

С моих лёгких спала великая тяжесть, из-за чего я сразу же начала задыхаться: дышать было непривычно, как могло бы быть непривычным летать. Отличие только в том, что летать я никогда не умела, а дышать умела с самых первых секунд своего прихода в этот мир, но словно умудрилась забыть, как этот процесс осуществлять таким образом, чтобы в порывах заглывания кислорода внутренние органы не рвались от непривычки.

Глаза открылись только спустя три болезненных вдоха, но не до конца – веки словно налились свинцом и, превратившись в металлические жалюзи, теперь отказывались подниматься и пропускать свет в тёмный дом... Снаружи что-то сияло. Прямо передо мной. В попытке сосредоточиться, я прищурилась и внезапно рассмотрела неожиданный источник света: всего в нескольких сантиметрах от моего лица светилось лицо неизвестной мне, молодой девушки. Даже через чудаковатое сияние, тёплыми потоками исходящее от её светлой кожи и холодными потоками льющееся от её густых иссиня-чёрных волос, я смогла распознать в незнакомке неподдельную красавицу. У неё были большие и самые выразительные из всех, что мне доводилось видеть, чёрные глаза с необычными серебристыми прожилками-нитями и крапинками металлического отблеска. Чёрное серебро кажущихся бездонными глаз было обрамлено пушистыми и длинными ресницами. Её губы были алыми и пухлыми, а скулы геометрически выверено очерченными. Но её шелковые волны волос и бархат кожи сияли чрезмерно сильно, всерьёз угрожая ослепить смотрящего на них. И всё же я не могла оставить попытки рассмотреть её получше: вновь и вновь поднимала свои тяжеловесные веки-жалюзи, и раз за разом терпела фиаско под прессом сияния этого лица.

– Добро пожаловать в Паддок, пятидесятая, – внезапно зазвучал фантастическими нотами голос девушки.

Я была уверена, что она сказала эти слова мне, потому что она смотрела на меня в упор, потому что рядом никого, кроме неё, я больше не видела... Я не хотела, чтобы она останавливалась, хотела, чтобы она продолжала говорить, но девушка вдруг резко, словно нырнув в разливающуюся за её спиной черноту, отстранилась от моего лица и полностью исчезла.

Скорее всего, этот образ был просто видением... Таким, которое не хочется терять, которое хочется пересматривать снова и снова, и снова... Я хотела, чтобы она сказала мне, что она за видение, из какого мира она явилась и в каком мире её можно будет отыскать. Хотела узнать у неё, что со мной произошло. Потому что я чувствовала, что со мной что-то произошло. Что-то ненормальное. Нечто такое, отчего мой мозг родил это сияющее явление. Однако я никак не могла вспомнить, что же именно могло со мной случиться, а видение не возвращалось. Но вдруг... Голос видения раздался где-то в крошечной темноте:

– Осмотрите её. И не спускайте с неё глаз. Если придёт в себя до моего ухода в Тёмный лес – сообщите.

– Хорошо.

Ей ответил мужской голос. Незнакомый?.. Знакомый?.. Какой?

Конан!

Резкая вспышка воспоминания – лицо Конана! – ввело моё сознание в мгновенный шок.

...Я слышала, как начала задыхаться. И слышала, как задохнулась...

...Рядом звенел серебристый голос прекрасного видения и ещё какие-то голоса, но до меня они долетали сквозь толщу бессознательного состояния.

...В какой-то момент моё тело неожиданно взлетело и начало медленно пересекать пространство по воздуху куда-то в неизвестное “вперёд”. Кажется, желая заново научиться дышать, я случайно научила себя летать. Но новообретенный навык сознание мне не вернул. Возможно, именно он и отобрал его у меня окончательно...

...Конан?..

Глава 2.

День 2.

В ушах появился шум. Он всё нарастал и нарастал, пока наконец не заставил меня вынырнуть на поверхность своего ненадежного сознания. Я лежала на чём-то очень твёрдом и не очень ровном. По ощущениям: словно на полу из деревянных досок, застеленном недостаточно плотным, чтобы смягчать твёрдость, покрывалом. Приоткрыв глаза, я увидела сильно раскачивающиеся из стороны в сторону тени. Постепенно тени теряли свой серый цвет, перекрашиваясь в тёмно-зелёные тона. Наконец я поняла, что мой взгляд упирается в кроны высоких деревьев, раскачивающихся от свежего, вдыхающего в мои лёгкие жизнь, ветра. Странное место для пробуждения. Разве я не засыпала в апартаментах Конана, в Подгорном городе?..

Внезапно в грудной клетке что-то заняло... Душевная боль? Откуда? Я что, повздорила с Конаном? Мы вздорили один раз – мне не понравилось. Нужно заканчивать так себя вести. Ведь быть вместе мы хотим больше, чем быть врозь. Или уже не хотим? И поэтому у меня так болит...

Нет, не поэтому!!!

Лив!!!

Она ударила меня разрядом тока в шею и засунула в криокапсулу!!!

Молниеносное воспоминание привело мои мышцы в спонтанное движение: издавая нечленораздельные звуки, я взметнула руки и ноги практически одновременно, и неожиданно сорвалась куда-то вниз. Лететь пришлось недолго – практически сразу я уперлась руками в землю, на которой трава была заметно сильно вытоптана.

– Эй, ты как, жива?

Я резко повернула голову вправо, в сторону мужского голоса. На широком неотесанном пне сидел парень, которого я видела впервые в жизни. На вид ему было лет двадцать, на носу у него сидели очки с оправой, выполненной в виде больших кругов, телосложение его было длинное и худощавое, на высушенных мускулистых предплечьях сильно выступали взбухшие вены, волосы были тёмными, густыми, припыленными и почти достигающими плеч.

– Пришла в себя? – попробовал ещё раз наладить со мной контакт незнакомец.

– Где я? – наконец сквозь зубы процедила я. Со стороны могло показаться, что мой тон намеренно прозвучал угрожающе, но на самом деле мне просто было неожиданно сложно говорить. Как будто целую вечность молчала.

– Нэцкэ! Новенькая пришла в себя! Подойди!

Новенькая?.. Он назвал меня новенькой? В смысле, новоприбывшей?

Переместившись с предплечий на задницу, я начала поспешно осматриваться по сторонам. Мои опасения сразу же подтвердились: местность для меня оказалась неузнаваемой. Это был явно не Подгорный город. Кругом открытая природа: голубое небо, перистые облака, высокие деревья, густая трава, редкие одуванчики... Может быть, окрестности Подгорного города?..

Человек, которого позвал незнакомец, явно не торопился подходить. Я ещё раз бросила взгляд на парня: он строгал что-то деревянное и маленькое, полностью прячущееся в его ладони, и при этом максимально сосредоточенным взглядом смотрел прямо на меня. Я решила попробовать ещё раз:

– Что это за место?

– Паддок.

Паддок? Я уже где-то слышала это слово... Точно! Мне снился сон. Фантомная девушка произносила это слово.

– Что за странное название? – правой рукой оперевшись о твердую лежанку, с которой несколькими секундами ранее свалилась, тыльной стороной левой руки я отерла вдруг выступивший на моём лбу холодный пот.

– Здесь всё странное. Даже ты.

Даже я?.. О чём он?..

Кажется, меня начинал пробирать озноб.

Внезапно справа от нас послышались шаги. Я резко повернула голову на этот звук и сразу же увидела девушку, уже почти подошедшую к нам. Она была азиатской внешности, но при этом с очень светлой кожей и относительно большим разрезом глаз. Её не очень длинные чёрные волосы были собраны в хвост, который при каждом шаге побивал своим концом узкие плечи своей хозяйки. Ростом она была минимум на голову, а может даже и на две головы, ниже меня. Это и есть Нэцкэ? Никогда не слышала таких женских имён, даже среди азиатских.

– Замечательно, – улыбнулась сначала парню, затем мне, девушка. – Я как раз только что приготовила завар, – с этими словами она протянула мне жестяную кружку, снаружи обильно покрытую чёрной копотью.

Я приняла это подношение с недоверием. Думала, что кружка может оказаться горячей, но она оказалась едва тёплой, и от жидкости не исходил горячий пар.

Внезапно, присмотревшись к зеленоватой жиже, я поняла, что изнемогаю от сильной жажды. Именно это сподвигло меня сделать резкий и большой глоток предложенного мне напитка...

В следующую секунду от проглоченного у меня едва глаза из орбит не вылетели! Пойло оказалось настолько отвратительным, что, не задумываясь отбросив кружку с его остатками в сторону, я не заметила, как вновь уперлась обоими предплечьями в землю.

Меня начало выворачивать наизнанку уже после третьего рвотного позыва.

– Класс, прямо у моей лежанки! – с досадой зазвучал за моей спиной голос парня.

– Это тебе за то, что ты до сих пор не починил мою, – парировала девушка, присев на лежанку, с которой до этого свалилась я. – Не ной, Дефакто, перенесёшь свою лежанку подальше от лежанки Змееда – ты ведь давно хотел это сделать, да повода не находил. Вот тебе и повод, – я не видела, но была уверена, что девушка указала рукой на всё ещё отблёвывающуюся меня.

...Когда рвота остановилась, я отстранилась чуть назад и, пытаясь восстановить сбитое дыхание, начала напряжённо думать. Нэцкэ, Дефакто, Змеед – что это за имена такие?.. Ведь явно не *настоящие* имена. В голове всколыхнулось ещё одно воспоминание: к кличкам часто прибегали трапперы. Коалиция номер пять: Мускул, Волос, Тонкий, Крик, Сомнение... Если я в логове трапперов и до сих пор не расчленена на артефакты, значит мои дела плохи, но, возможно, пока ещё не критически.

– Трапперы? – слабым, хрипящим голосом предположила вслух я.

– Что? – переспросила Нэцкэ.

– Вы трапперы? Какая коалиция по номеру? – мой тон звучал жёстко. Может быть даже чрезмерно. Я всё ещё никак не могла собрать свои эмоции в кулак.

– Спрашивает, трапперы ли мы, – непонимающим тоном обратилась к своему напарнику Нэцкэ.

– Кто-то, может, и трапперы, – пожал плечами Дефакто. – Кто-то, кто не мы.

– Уязвимые? Неуязвимые? – продолжила гадать я.

– Мы не в курсе таких понятий, – вновь ответил парень. – У тебя странный сленг. И акцент. На каком языке ты вообще говоришь?

Глава 3.

Меня вырвало ещё дважды. Когда в желудке не осталось ничего, кроме его собственного горького сока, рвотные позывы наконец отпустили меня.

Мне дали прополоскать рот водой, а после напиться вдоволь. Я спросила, почему мой правый кулак перемотан бинтом, через который проступила и засохла, очевидно, моя собственная кровь, и Нэцкэ пояснила мне эту странность тем, что мой кулак якобы сильно разбит. Она размотала кровавые бинты и показала мне – он и вправду оказался разбитым: кровоподтеки и гематомы покрывали все пять костяшек пальцев. Однако я не помнила, при каких обстоятельствах и обо что так серьёзно разбила собственный кулак. Никак не могла вспомнить драку...

Мысли путались: я то вспоминала причину своего смятения, то забывала её. Сейчас я вновь никак не могла вспомнить, что же со мной произошло, хотя помнила, что перед этим уже вспоминала...

После рвоты меня продолжало сильно тошнить, а в ушах вдруг разлился глушащий все побочные звуки звон. Этот чрезмерный звон не позволял мне сосредоточиться...

Некстати разнылся кулак, на который Дефакто наложил новую повязку с какими-то обжигающими, перетёртыми в непривлекательную кашу травами... Ненормальная слабость всё отчётливее склоняла мою голову вниз, заставляла упираться подбородком в ключицу. Остатки мнимой силы, наполняющей меня в первые минуты после прихода в сознание, неумолимо просачивались сквозь меня, как песок, обтекающий своей пылью уставшие пальцы. В итоге на расспросы у меня не осталось ни единой песчинки силы. Я просто лежала на твёрдой лежанке, сконструированной между двумя широкими стволами осин, и, не шевелясь, рассеянным взглядом смотрела вбок.

Кажется, мне с каждой минутой становилось всё хуже. Но несмотря на это я всё же старалась оценить обстановку вокруг себя. Мы – я и двое незнакомцев – находились в сени небольшого скопления деревьев. Здесь было три лежанки, сконструированные одинаковым способом – доски, выверенно прибитые между стволами деревьев, – на вытоптанной траве стояло два грубо сколоченных табурета, на низких ветках близрастущих деревьев были развешаны разнообразные сушеные травы, перевязанные выленьялыми тряпичными обрывками, на неказистом и низком столике напротив была расставлена деревянная, и жестяная посуда, лежали подозрительные, завязанные бечёвкой мешочки, сделанные из грубой ткани. Ещё здесь располагалось остывшее кострище, над которым одиноко висел средних размеров котелок, помятый у самого основания.

День был солнечным, но меня бил сильный озноб. Парень и девушка – Дефакто и Нэцкэ – при этом комфортно чувствовали себя в штанах из лёгкой материи и сильно выцветших футболках с короткими рукавами. Заметив мой озноб, они сначала накрыли меня полотном из жесткой материи, а когда поняли, что это не помогает, напоили на сей раз сносным на вкус отваром, в содержании которого я распознала мялису, и решили переместить меня из-под сени деревьев на залитую солнцем поляну. По-видимому чтобы защитить моё тело от солнечного удара и даже ожога, эти двое установили над предложенным мне деревянным шезлонгом зонт, который перед этим вытащили из высокой травы. Шезлонг оказался не мягче лежанки, на которой мне до сих пор приходилось лежать, а зонт был странным. Было видно, что он, как и все замеченные мной искусственные предметы местной обстановки, был сконструирован вручную: тесаные палки вместо перекладин и ручки, а купол из серого, наверняка когда-то бывшего белым материала такой тонкости, что почти прозрачный.

...Нэцкэ с Дефакто оставили меня посреди высокой травы на шезлонге. Протёртый временем купол зонта, под действием лёгких дуновений южного ветра, гипнотизирующе шевелился над моей головой...

Скоро мне как будто бы стало немного теплее и, несмотря на высокую траву вокруг, комфортнее. Оставшись наедине с собой, я, не заметив того, начала погружаться в дрему.

Когда я открыла глаза, солнце уже клонилось к закату и обещало скоро убрать из этого дня свой последний розовый луч. Облака были окрашены именно в розовый, местами переходящий в красноватый цвет.

Слева от меня послышалось неестественное шуршание. Не поворачивая головы, я отправила в направлении звука свой взгляд и увидела рядом ещё одного незнакомца. Молодой парнишка лет шестнадцати, грязно-русые волосы, низкого роста, с немного чумазым лицом, ожидающе смотрел на меня светлыми глазами. Он сидел в высокой траве на одном из уже виденных мной кособоких табуретов и держал в руках сильно помятый полиэтиленовый пакет. Видимо, шуршание именно этого пакета и привлекло моё внимание.

– Как зовут? – всё ещё не поворачивая головы, востребовала у незнакомца имя я.

– Бум.

Бум. Ещё одно необычное имя. Нет, не имя. Прозвище.

– Я караулил тебя всё время, пока ты здесь спала. Я ведь часовой.

– Часовой?

– Ну да, это моя должность. Тут у всех есть своя должность.

– Где это “тут”?

– В Паддоке. – Снова Паддок. – Есть хочешь? – с этими словами парень вытащил из своего пакета неопознанное нечто и протянул это мне. Закрыв глаза, я гулко выдохнула и, опершись о скрипучие подлокотники шезлонга, заставила себя сесть лицом к собеседнику. Упираясь локтями в колени, я начала хмуриться: тело задервенело, мышцы ныли, в голове неприятно плескалась пустота – я снова забыла, как очутилась вне Подгорного города. Поющий поэт?.. Мигающие вывески фундаментального яруса... Апартаменты Конана... Коридоры... Но нет людей... В моих воспоминаниях их нет...

– Держи, – парнишка вновь протянул мне что-то. Открыв глаза, я увидела перед своим носом сэндвич, в реальность которого мне, почему-то, поверилось с трудом. Сначала я хотела обхитрить пустоту в своей голове – расспросить парня про то, что такое Паддок и где он находится, как я сюда попала и вообще про всё вокруг, – но увидев сэндвич вдруг испытала дикий приступ голода и сразу же забыла обо всех своих вопросах. Словно изголодавшийся зверь, я вырвала из рук парня предложенное мне подношение и вгрызлась в хлеб зубами.

– Спасибо, – уже сквозь хлеб прошипела я.

Парень добродушно хихикнул и, достав из зарослей кустов термос, стал наливать в его крышку что-то подходящее на чай:

– Поосторожнее, не подавись. До ужина больше ничего нет, так что постарайся насладиться вкусом.

Я не прислушалась к совету. Умяла сэндвич за считанные секунды, после чего выпила весь термос, в котором оказался мятный чай. Я где-то слышала о том, что мята может разжигать аппетит, и тем не менее не остановилась, пока не допила напиток до последней капли.

– Сколько я провалялась без сознания? – уже отдавая пустую крышку Буму, первым делом поинтересовалась я.

– Ты попала сюда в девять часов вечера накануне. Нэцкэ сказала, что первый раз ты очнулась в полдень. Выходит, после проспала с часа дня до восьми часов вечера.

– Нэцкэ, Дефакто, Бум – странные имена. Прежде никогда таких не слышала. Это имена вообще?

– Вроде того... – парень замялся и опустил глаза. – Своих реальных имён мы не помним.

– Это как это не помните?

– Как-как... Как ты.

– Я помню своё имя.

– Да неужели? – скептически наклонил набок голову Бум, при этом слегка прищурил свои светлые глаза.

– Меня зовут Джекки.

Парень на мгновение застыл. Было видно, что он ошарашен моим ответом, будто в нём действительно было скрыто нечто шокирующее.

– Да ты только что выдумала себе имя, чтобы казаться крутой.

– Меня действительно зовут Джекки. Сокращённая форма от имени Жаклин. В переводе означает “та, которая обгонит”, “та, что вытесняет” или “та, что следует по пятам”, а в более простых вариантах – “обгоняющая”, “вытесняющая”, “преследующая”. Всё в одном смысловом значении. – Парень смотрел на меня с открытым ртом. – Что такое Паддок?

– Это место, – всё ещё переваривая информацию по моему имени, парень развёл руками вокруг себя.

– И что это за место? – сдвинула брови я.

– Мы сами не знаем.

Так, толку с этого собеседника будет маловато, хотя он, судя по всему, и не прочь поболтать. Имени своего он не знает, где находится не в курсе... Что он, в таком случае, вообще может знать?

– Когда ужин? – тяжело вздохнув, решила попробовать задать более простой вопрос я.

– Сразу после заката.

Я посмотрела на небо – солнце ещё окрашивало облака. В недрах желудка взревел зверь.

– А точнее?

– Через час.

Глава 4.

Ужин был скудным: перловая каша-размазня с пережаренным мясом, походящим на курятину. Я доедала вторую порцию, которую мне любезно предоставила высокая темнокожая девушка крепкого телосложения – её мускулы были размером с мои (то есть немаленькими), роста она была примерно моего (то есть достаточно высокая). На вид ей было лет двадцать пять. Красивый светловолосый парень, сидящий рядом с ней, обращался к ней по прозвищу Абракадабра.

Ужин проходил в странном месте: над головой висели сшитыми полупрозрачные и серые от грязи материи, между деревьев были подвешены гамаки, вокруг костра стояли деревянные ящики разной высоты, на которых все и расположились.

Коалиция оказалась достаточно крупной: десять человек. Восемь парней и всего две девушки – Нэцкэ и Абракадабра. Справляясь со своими порциями ужина, все без исключения пялились на меня с таким любопытством, словно я была не меньше как пришельцем, свалившимся с луны. Впрочем, таковой я себя и ощущала: подробностей своего попадания в это место я никак не могла вспомнить, очевидно, из-за бессознательного состояния, в котором оказалась здесь.

Я ела непринуждённо, без стеснения и зажимов, которые из-за моего присутствия явно переживали некоторые собравшиеся у костра. Уже доедая вторую порцию, но всё ещё не чувствуя насыщения, я ещё раз обвела всю компанию взглядом, чтобы оценить всех получше. На первый взгляд между ними не просматривалось ничего общего: все разных возрастов, расы и полов, каждый по-своему неординарная личность, что легко считывается по лицу каждого из них. Но на их лицах прослеживалось ещё кое-что. Неподдельное беспокойство. Вскоре я отметила, что их взгляды то и дело блуждают от самого высокого ящика, на котором никто так и не расположился, в сторону темноты, густой краской разлившейся над поляной и лесом. Мои мысли о том, что они кого-то потеряли или, быть может, ждут, вскоре подтвердили басовитые слова Абракадабры, внезапно нарушившей общую тишину, до сих пор благополучно продлившуюся целых пятнадцать минут:

– Что-то Дикой всё нет.

– Долго не возвращается, – быстро подтвердил слова девушки Дефакто, при этом поправив на носу очки, в стёклах которых отражались языки пламени, отлетающие от костра.

Над компанией снова повисло молчание, на сей раз ещё более напряженное – ещё чуть-чуть, и его можно было бы оценить на ощупь. Как вдруг где-то впереди, в непроглядной темноте послышался сильный хруст ветки. Бум сразу же встрепенулся и выкрикнул куда-то в ночь:

– Дикая, ты?!

Прошло несколько напряженных секунд, прежде чем из темноты прозвучал отчётливый ответ:

– Кому кроме меня вы ещё могли бы понадобиться, придурки?

От услышанного голоса внутри меня внезапно что-то щёлкнуло, но прежде чем я успела вспомнить, что именно могло спровоцировать этот щелчок, из темноты вынырнула и вошла в ареал исходящего от костра света девушка. Та самая сияющая девушка, которую я приняла за видение яркого сна, потому как среди членов коалиции до сих пор не видела её... Мои глаза округлились от лёгкого шока: значит она – реальный человек, а не порожденная моим замутнённым подсознанием мистификация?! Точь-в-точь такая же, какой я увидела её впервые, только кожа и волосы не источают фантастическое сияние. Одета во всё чёрное и обтягивающее крепкую фигуру, плечи округлые, бицепсы чётко очерченные, ростом не меньше метра семидесяти пяти, на вид лет всего лишь восемнадцать. И её интересные внешние данные

вовсе не были наваяны мне наркотическим сном – она действительно была настолько внешне необычной, что я никак не могла перебороть себя, чтобы вовремя оторвать взгляд от её красоты, которую в мире до Первой Атаки люди обожали помещать на глянцевые обложки. Так это и есть Дикая? Тот член коалиции, прихода которого все собравшиеся у костра с таким тяжеловесным напряжением ожидали?..

Подойдя к пустующему высокому ящику, она бросила к ногам одного из парней связку из тушек куропаток. Парень с довольным выражением лица поднял птиц и начал рассматривать их с неподдельным любопытством.

– Сегодня восемь, – констатировала девушка, прежде чем парень закончил счёт. От услышанного все сразу же заметно повеселели. Вдруг добычица бросила свой взгляд на меня – наши взгляды встретились. В её глазах читалось главенство. Не знаю, что читалось в моих, но при встрече наших взглядов я невольно моргнула. – Что, очухалась, Отмороженная?

Значит, Отмороженная... Неплохая попытка лишить меня собственного имени.

– Прежде ты называла меня пятидесятой, – заметила я, наблюдая за тем, как Дикая занимает самое высокое место, после чего опускает к своим ногам настоящие лук и колчан, наполненный стрелами, и принимает из рук Абракадабры большую порцию каши-размазни и пережаренного мяса.

– Пятидесятая – это обыкновенное числительное, Отмороженная. По твоему соображению Яр был бы не Яром, а двенадцатым, – она указала своей ложкой в сторону самого крепко сложенного из присутствующих парней, симпатичного светловолосого блондина, – а Вывод был бы у нас восемнадцатым, – с этими словами она указала на коренастого, коротко стриженного и сильно загоревшего парня.

– Что значат эти цифры?

– Очередь прибытия человека в Паддок, – очевидно, что хотя она и ставила себя таким образом, чтобы я сразу зарубила себе на носу, кто здесь главный, высокомерием она не страдала и страдать от него других не заставляла. – Паддок – место, в котором мы все застряли, наш временный дом, в который никто из нас не помнит, как попал. Временный он потому, что мы найдём способ выбраться отсюда, – она говорила безапелляционно, будто других вариантов попросту не существует. – Кстати, можешь нам великодушно помочь с нахождением выхода: помнишь как сюда влетела? Просветишь нас всех? – Теперь она ткнула ложкой в мою сторону.

– Нет, не просвещу, – спустя пять секунд неожиданной растерянности, разочарованно отвела взгляд в сторону я. В голове ощущалась каша похлеще той, которую я только что доразмазывала по своей тарелке.

Диалог прервался, Дикая приступила к своему ужину, все продолжили ждать. Ладно, единственный верный способ понять хоть что-то – продолжать спрашивать:

– Какая по счёту прибытия в это место ты? – с глубоким вздохом я вернула свой взгляд обратно к Дикой.

Собеседница произвела едва уловимый выдох и, упершись локтями в колени, при этом продолжая держать в руках тарелку, снова врезалась в меня безукоризненным взглядом лидера:

– Первая.

Такого ответа я не ожидала, хотя его и нужно было предполагать в первую очередь.

– Вас здесь только одиннадцать человек. Со мной двенадцать. Если я пятидесятая – где остальные тридцать восемь?

Взгляд Дикой буквально пронзал насквозь:

– Хреново слушались меня – и умерли.

А вот этот ответ не был очевидным. Я сразу же попыталась различить, прозвучал ли он с угрожающими нотами или всё же с предупредительными, но мои старания пошли прахом из-за решившего встрять в наш диалог Бума. Он обратился к Дикой:

– Тринидад, она помнит своё имя.

Он назвал её Тринидад?! Её так зовут?! Но ведь Тринидад – это, в отличие от Дикой, реальное собственное имя!

В ответ на заявление Бума в холодных глазах Дикой – или всё же Тринидад? – мелькнула заинтересованность.

– Ну и как тебя зовут? – с уточнением она обратилась не к Буму, а напрямую ко мне.

– Джекки.

– Джекки? – её брови задумчиво сдвинулись. – У тебя что же, мужское имя?

– Джекки от Жаклин, – вновь встрял Бум с разъяснением.

– Джекки от Жаклин, – хмыкнула Тринидад, продолжая упираться локтями в колени. –

Мило. Но имя ещё нужно заслужить. Сечёшь, Отмороженная?

Час икс наступил: она интересуется вовсе не моим желанием или нежеланием носить, как и все здесь присутствующие, кличку. Она интересуется, признаю ли я её лидерство. Признаю при всех – и я принята в Паддок, что бы этим словом ни обозначалось и чем бы на самом деле это ни являлось. Отвергну при всех её лидерство и рискую уже этой ночью из пятидесятой автоматически обратиться в тридцать девятую.

– Секу, – не скрывая сопротивления в голосе, прикусив нижнюю губу изнутри, я буквально заставила себя через силу выдать сложный для себя ответ на кажущийся неподъёмным вопрос.

В ответ лидер коалиции вдруг прищурилась с эмоцией, которая меня сразу же заинтересовала: она посмотрела на меня с неподдельным любопытством, как на до сих пор неизвестного, впервые увиденного ею зверя. Взамен от меня она получила не менее сложный взгляд, который, впрочем, наверняка рассказал ей о том, что со мной ей не может быть и не будет просто.

Наше невербальное общение красноречивыми взглядами несвоевременно оборвал ещё один желающий общения, до сих пор молчавший член коалиции:

– Как для Отмороженной, она много ест. Придётся тебе, Дикая, ещё усерднее охотиться.

Эти слова сказал худощавый до костлявости парень лет двадцати трёх, имеющий серый оттенок кожи и отличающийся непрерывно недовольным выражением лица. Волосы его были похожи на липкую чёрную смолу, свисающую до подбородка, нос был длинный и слегка приплюснутый, им он, почему-то, дышал громче всех присутствующих.

– Ну или мы посадим тебя на диету, – вдруг поставила на место выступившего парня Дикая, что стало для меня неожиданностью. Она что же, сейчас продемонстрировала всем, что единственная может прессовать меня? Или она была единственной прессующей всех и сразу?

– Я сама могу охотиться, – вдруг подала голос я, не понимая, зачем мне взваливать на себя какие-либо обязанности, если здесь и сейчас в мои планы входит только один пункт: свалить отсюда как можно скорее напрямик в сторону Подгорного города.

На моё высказывание шумно отозвалась Абракадабра:

– Ну да, конечно, можешь! Ага! – было ясно, что она посмеялась с моей решительности.

– А в чём, собственно, проблема? – слегка приподняла брови я, явно не понимая, что не так с моими навыками охоты, в качестве которых они все ещё даже не убедились, но с которых уже каждый из них ухмыльнулся себе в кулак.

– Ты стрелять-то хоть из лука умеешь? – вдруг обратился ко мне Дефакто.

– Из лука? Серьёзно? – мой взгляд упал на лук, лежащий в ногах у Тринидад. Это оружие хотя и выглядело здорово – аутентично – на действенное никак не походило, а на продвинутое так и подавно.

Голос вновь поддал парень со слипшимися волосами:

– Вот вам и ответ. Дикая, тебе, похоже, всё же нужно усилиться, а то новенькая всерьёз объест нас, и помрём мы все с голодухи.

– Нет, Змеед, мы лучше всерьёз посадим тебя на диету за твой длинный язык, чем пожертвуем боеспособным новичком.

Боеспособным?.. Что это может означать? А этого брнчащего парня, значит, зовут Змеед.

Не отрывая взгляда от лука, лежащего в ногах Дикой, я спросила как будто у самой себя, но вслух:

– Какой сейчас год?

– Две тысячи сто десятый, – хмыкнула Дикая, оставив свою опустевшую тарелку на ящик подле себя.

– Не может быть.

– А какой год, по-твоему, сейчас должен быть? – во второй раз за вечер упершись локтями в колени, она сцепила пальцы рук.

Получив в ответ такой вопрос, я растерялась. Я не знала какой год выбрать для того, который должен, по моему мнению, быть сейчас: две тысячи сто четвёртый или уже две тысячи сто шестидесятый? Мой забегавший по сторонам взгляд, должно быть, выглядел жалко, потому как Тринидад, так и не дождавшись от меня ответа, вдруг произнесла неожиданно снисходительным тоном:

– Заснула ты, судя по записи с капсулы, из которой мы тебя вытащили, в две тысячи сто четвёртом году. Сейчас две тысячи сто десятый.

– То есть прошло всего лишь шесть лет?! Не пятьдесят шесть?!

– Ты что, должна была проснуться через целых пятьдесят шесть лет после заморозки? – Голос подал самый смазливый на мордашку парень, клички которого я всё ещё не знала. – Жёстко.

Шесть лет?! Я проспала целых... Или всего лишь... Шесть лет?!

– Не понимаю... – Моей растерянности не было границ, из-за чего её было практически невозможно скрыть от одиннадцати пар внимательно следящих за мной глаз. – На капсуле были указаны цифры: пять, два, пять, шесть, ноль. То есть пятый месяц, двадцать пятое число шестидесятого года.

– Это часы, а не дата, Отмороженная, – вновь пришла на помощь Дикая. Но я не поняла подсказки. Уловив факт моей непонятливости, она ещё раз протянула мне лакомый кусок информации. – Ты проспала пятьдесят две тысячи пятьсот шестьдесят часов. То есть ровно шесть лет.

От шока я оцепенела. Я смотрела куда-то сквозь свою собеседницу, но не видела её – меня ослепляли вспышки воспоминаний, которые на протяжении всего дня то тонули в глубинах моего замутнённого подсознания, то выныривали на поверхность моего штормового сознания: в Подгорном городе случился переворот; мы с Конаном разминулись; Тонкого, Сомнение и Крик расстреляли; Кей успел спрятаться у друга; Лив... Лив заморозила меня!

– Мне нужно осмотреть капсулу, в которой вы меня нашли! – Я резко вскочила на ноги. – Сейчас же! Где она?!

Все мгновенно напряглись и перебросили свои заинтригованные взгляды с меня на Дикую. Они явно ожидали её вердикта. Да как такое вообще возможно, чтобы подобное количество взрослых людей беспрекословно слушалось почти что самого младшего представителя их компании?! Она что здесь, царь всея и всем?!

Выдержав достойную аплодисментов паузу, Дикая вдруг свободно взмахнула левой рукой в сторону сидящих подле неё членов коалиции и произнесла совершенно спокойным тоном:

– Яр, Абракадабра, отведите *нашу* Отмороженную попятиться на эту грёбанную капсулу.

Она сказала “нашу”. Выходит, меня только что приняли в ряды коалиции. Хорошо это или плохо – разберусь позже. А пока что мне срочно нужно порыться в шести годах своей непрожитой жизни.

Глава 5.

Трава на поле была мне по пояс, что немного напрягало в условиях крошечной тьмы, которую разрезали лишь два тонких луча света, исходящие от совсем не мощных, ручных фонариков моих провожатых.

Яр шагал впереди. На вид он был моим ровесником, русоволосый, рослый, мускулистый и с мужественным выражением лица, отчего его можно было считать даже привлекательнее самого смазливового парня из их компании, оставшегося у костра. Вслед за Яром шла Абракадабра – я шагала чуть левее её.

– Бум ведь утверждал, будто никто из вас не помнит своих имён, – я решила продолжать сбор информации. – Но к Дикой он обратился по имени. Он назвал её Тринидад. Тринидад – это ведь явно имя, вовсе не кличка.

Отозвалась Абракадабра:

– Только Тринидад помнит своё *настоящее* имя, – она покосилась на меня взглядом. – И, похоже, теперь ещё и ты.

Я повела плечами, при этом спрятав руки в высоких карманах купленной мной в Подгорном городе куртки – за прошедшие шесть лет она не стала меньше. Ирония.

– Откуда же появились ваши нынешние имена? Дефакто, Нэцкэ, Бум, Абракадабра, Яр, Змеед...

– Вывод, Сладкий, Парагрипп, Эффект, – закончила за меня перечисление членов коалиции Абракадабра. – Нам всем имена дала Дикая.

От этой информации я опешила: эта девчонка выглядела едва ли не самой младшей в их группе, младше только Бум и ещё один паренёк! И при этом условии, она являет собой неоспоримую власть, по крайней мере в этом месте – в Паддоке. Она ведь *даже мне* дала новое имя. И как к этому относиться?..

– Тринидад у вас типа главарь?

– Она типа та, благодаря кому мы все всё ещё не передохли в этом месте, – басовитый голос моей собеседницы в темноте звучал более грозно, чем мог бы. – Дикая была первой, кто попала сюда, кто изучила местность, кто выживала здесь практически в одиночку два месяца до того, как здесь кроме неё смогли прижиться ещё несколько человек.

Кажется что-то начинает проясняться. “Сюда”, где бы это место ни находилось, зачем-то забрасывают людей? Необходимо продолжать копать.

– И часто сюда поставляют новых людей?

– По одному человеку в каждый первый день недели.

Я быстро произвела в голове математические расчёты – пятьдесят человек, значит пятьдесят недель:

– Хочешь сказать, что на протяжении одиннадцати с половиной месяцев в это место забрасывают по одному человеку в неделю? Кто этим занимается? С какой целью? И почему никто из вас до сих пор не сбежал отсюда?

– Сбежать некуда, Отмороженная, – внезапно подал весьма красивый голос до сих пор хмуро молчавший Яр. Он проигнорировал три из четырёх моих вопросов, поэтому я задумалась над услышанным, а именно над тем, как такое возможно, чтобы бежать было некуда, но мои размышления вскоре прервала Абракадабра:

– С какой целью нас всех доставляют в Паддок – никто из прибывающих в это место не знает. Можешь судить по своим собственным знаниям. Но тебе хотя бы повезло помнить своё имя. Мы же не помним практически ничего из наших жизней, вплоть до момента пробуждения в этом месте.

– У вас у всех полная потеря памяти? – удивлённо вздёрнула брови я.

Ведь подобное явно не могло быть случайностью. Однако при этом, попав в одно место с откровенно амнезийными, я наверняка помнила своё прошлое: Первую Атаку, выживание на территории пятой коалиции, поход к Подгорному городу, “Поющего Поэта”, Конана, Кея, Лив... От воспоминаний о последней по моей коже побежали невольные мурашки.

– Пришли, – резко остановился Яр, и я встала рядом с ним. Тонкий луч его фонаря высвечивал наполовину приоткрытую капсулу – она утопала в высокой траве.

– Позволь, – я протянула руку к фонарику Яра. Вздохнув, он отдал его мне. Стараясь не выдавать своё беспокойство, я шагнула по направлению к своему персональному кошмару.

Даже при скудном свете фонаря я смогла с первого взгляда понять, насколько сильно пострадала внешняя обшивка капсулы, которая запомнилась мне в идеальном состоянии. Номер капсулы – цифры 3180 – сильно потерлись и изрезались глубокими царапинами, в двух местах нижней части, у днища, наблюдались серьёзные вмятины размером с футбольные мячи, с обеих боков капсулы следы чёрного ожога... С моей капсулой происходило что-то неладное, пока я, ничего не подозревая, валялась в ней, как беззащитная мишень для меткого охотника. Копоть и вдавленное железо особенно сильно поражали. Я явно находилась на грани от несвоевременной разгерметизации, свершение которой мой организм попросту не выдержал бы на физическом уровне. Думая об этом, я сосредоточенно водила пальцами по обшивке капсулы, при этом осматривая её внутренности, когда Абракадабра вдруг решила заговорить:

– Мы сильно удивились, когда увидели тебя в этом ящике. Не знали, как это понимать. Эта штука открылась автоматически, как только таймер на стекле закончил обратный отсчёт.

– Хотите сказать, что вы прибыли сюда не в капсулах?

– Вообще-то, ты единственная, кто прибыла в Паддок в замороженном состоянии. Я двенадцатый и могу сказать, что все тридцать семь человек, прибывшие сюда после меня, прилетали на парашютах без всяких капсул, как и я. Дикая утверждает, что сама прибыла сюда без капсулы, и что все, кто прибывал до меня, тоже не имели в своём арсенале таких агрегатов. Да и если бы кто-то кроме тебя прилетел в капсуле, агрегаты остались бы на этом самом поле. Однако ничего подобного здесь, как ты видишь, нет, – при этих словах Яр с иронией обвёл руками ночное поле.

Так вот что имел в виду Дефакто, когда говорил, что здесь всё странное – даже я. Я была странной для них потому, что меня подкинули им в криокапсуле.

– Стоп, – меня осенило. – Я что же, с неба свалилась?

– Не ты одна, – скрестила руки на груди Абракадабра. Они что же, не шутят о парашютах?

– То есть вы не одни из введённых в криосон в Подгорном городе? – моё удивление переросло в настоящее замешательство. – Конан, Кей, Лив, Байярд, Рейнджер, Мускул, Волос, Айзек, Дэвид и Талия, Данте – вы слышали о таких?! Где они?! Что с ними случилось?!

– Это ещё кто такие? – растерянно посмотрела на меня в упор Абракадабра.

Я схватилась за голову:

– В Подгорном городе случился военный переворот! Вы не можете не знать!..

– Да мы вообще мало что знаем. Говорим же: памяти о жизни до Паддока у нас нет.

Продолжая держаться за голову, я смотрела на собеседницу широко распахнутыми глазами. Они не из Подгорного города?! Из одичавших земель?! Не слышали о таком месте?! Не знают о нём?! Или забыли?! Где я?! Кто они?!

Абракадабру, очевидно, смутил мой шок. Пожав плечами и отведя взгляд в сторону, она, с нотками зависти, наверное вызванной наличием у меня памяти, в которой она только что лично убедилась, вдруг предложила:

– Спроси у Тринидад, может она в курсе. Ведь у неё единственной из нас *вся* память в целостности и сохранности.

Отличная идея.

Не возвращая Яру фонарь, я поспешила вернуться к костру.

Глава 6.

Подходя к лагерю я слышала лёгкую игру на струнном инструменте и красивый девичий голос – пела точно не Нэцкэ, значит это была Дикая:

Глаза. Смотри мне в глаза.
И песню дикую пой.
Дотрагиваться моей кожи нельзя.
Только взглядом. Только душой.

Взгляд мой. Только мой -
больше ничей.
Пой ему дикую песню – пой.
Я дикой породы зверь.
Я ветер. Я солнце ночи.
Не кричи -
тебя никто не спасёт.
Одно спасение: сама отпущу.
Тот, кто мне дикую песню поёт -
не погибает.
Не молчи.

Отпущу – отпущу...
Может да – может нет.
Как того сама захочу...
Ну что, привет?

Последние слова Дикая пропела прямо в мои глаза. Держа в руках укулеле, она лежала в самом крайнем гамаке, за пределами которого разливалась ночь, из которой я вынырнула. Остальные люди уже тоже заняли гамаки, развешанные по кругу костра.

Странно, но я снова на несколько секунд зависла из-за её неестественной для человека красоты: тёмные волосы синеватыми отливами отзеркаливали оранжевое свечение костра и были невообразимо пушистыми, и чистыми, чем не могли похвастаться волосы всех остальных членов коалиции; её светлая кожа выглядела подозрительно гладкой, словно всерьёз была выткана из шёлка... Нет, это ненормально. Может быть передо мной не человек? Но кто тогда? Бред.

– Чего зависла, Отмороженная? – Дикая вдруг заставила звучать одну струну, которую уже в следующую секунду накрыла ладонью, чем вывела меня из ступора.

– Ты единственная здесь с памятью. Мне необходимо вернуться в Подгорный город.

– Странное название для города. Впервые слышу о подобном.

Я прикусила нижнюю губу. Единственный человек с памятью впервые слышит о Подгорном городе? Хреново. Впрочем, город – это ещё не всё. Есть люди.

– Не встречала мужчину по имени Конан? Или людей по именам Байярд, Лив, Кей, Рейнджер, Дэвид, Талия, Данте, Мускул, Волос, Айзек?..

– Не в курсе о ком ты толкуешь. Где твои дружки и кто они такие – я без понятия. Ты свалилась с облаков одна.

– Но прошло всего лишь шесть лет – не шестьдесят! Это значит, что все они всё ещё *должны* быть живы! – я сжала кулаки. Необоснованная и совершенно ничего не решающая ярость начала захлёстывать меня, и я попыталась сдержать её именно банальным сжатием кулаков.

Дикая с интересом наблюдала за мной, но так ничего и не ответила. Вместо неё высказался рыжий парень лет семнадцати, которого Змеед однажды назвал при мне Эффектом:

– Радуйся, что сама выжила. Ты бы видела, с каким грохотом свалилась на наши головы! Земля и трава летели клочьями... Мы думали, что от тебя и мокрого места не останется. От участи размазанной лепёшки тебя спасли только противоударники, которыми твоя капсула оказалась оснащенной изнутри.

Пока Эффект говорил эти слова, Тринидад продолжала с вниманием наблюдать за мной. Зрелище, должно быть, ей нравилось: хотя я и держалась из последних сил, на лице моёй ярость явно боролась с терпением.

– Эй, Нэцкэ, – Дикая вдруг обратилась к девушке, подкинувшей в костёр большое полено, – покажи Отмороженной её гамак, пусть остынет.

Вместо Нэцкэ отозвался Змеед:

– Да она же и так Отмороженная, куда ей ещё остывать? – гнусаво ухмыльнулся парень из самого дальнего гамака.

– Я должна найти Лив! – мои кулаки, должно быть, посинели от чрезмерного сжатия. Я врезалась взглядом в Тринидад. – В какую сторону идти до ближайшего разрушенного города?

– До города? Смешно...

– Тебе, быть может, и смешно, но не мне! – а вот теперь в моём голосе крайне отчётливо прозвучала неприкрытая агрессия.

Все резко уставились на нас с Дикой максимально напряжёнными взглядами. Я услышала, как стоящие позади меня Яр с Абракадаброй сделали полшага в нашем направлении. Защищают главаря?.. Зачем?.. Видно же, что она сама способна недурно навалить мне и без сторонней помощи. Вот только я чуть выше, чуть крупнее, заметно старше и заметно агрессивнее.

Дикая тронула одну струну всё ещё лежащего в её руках укулеле. Я в полной мере осознавала, что в эту секунду она может попытаться усмирить меня самым жёстким образом, но... Она решила продемонстрировать мне мудрость, которой я, в порыве своих страстей, похвататься не могла.

– Давай проспись, а завтра я проснусь пораньше, чтобы показать тебе развалины ближайшего населённого пункта, – при этих словах она не смотрела мне в глаза, отдав предпочтение своему музыкальному инструменту.

Её спокойствие в тандеме со снисходительностью мгновенно сбили с меня спесь. И всё же я не ответила мудростью на мудрость – не поблагодарила за понимание моей эмоциональности. Проследовав к указанному Нэцкэ гамаку, подвешенному между двумя осинами вблизи гамака Дикой, я завалилась в него, всё ещё стараясь успокоиться. Казалось, будто внутри меня вышло из своих берегов эмоциональное море. Из-за этого разлива я долго не могла уснуть. Всё думала о том, что все *мои* должны быть живы, раз прошло *всего лишь* шесть лет... Но ведь за эти годы наверняка многое переменялось. Конан – что с ним? Неужели он теперь с другой девушкой? Едва ли мужчина будет ждать разморозки своей подружки целых шесть лет. Это ведь не сказка о спящей красавице, и криокапсула моя была вовсе не хрустальной... От мыслей о Конане и его предположительно бурлящей жизни без наличия меня в ней, у меня вдруг защипало глаза. Почувствовав это жжение, я сразу же с силой зажмурилась и прислонила указательный с большим пальцы к векам. Эмоции-эмоции-эмоции!.. Они наотрез отказываются отдавать пульт

управления здравомыслию... Кей, должно быть, уже вымахал во взрослого парня. Рейнджер постарел ещё заметнее. Байярд написал тысячи, если не миллионы шедевров. Ребёнок Дэвида и Талии уже всю бегает, может у него даже появились ещё братья или сёстры. Или в ту зло-счастную ночь Айзек всё же сумел захватить власть в Подгорном городе и никакого будущего у моих близких не случилось... Лив! Как она могла?! Что это вообще было?! Такое вообще возможно простить?!

Что с Риганом Данном и его корпорацией по замораживанию артефактов?..

...Я никак не могла вспомнить: снилось ли мне что-нибудь во время моего пребывания в криосне или же я просто была полностью замороженным, вплоть до подсознания, куском льда? Я всерьёз изо всех сил пыталась вспомнить хотя бы свои замороженные сны, но у меня не получалось даже это. В итоге заснула так и не добившись от своего разума хотя бы подсказки на очередную многогранную загадку. А ведь думала, что после шести лет беспробудного сна вовсе разучусь спать по ночам, но нет...

Мне снилось воспоминание:

– Не сдался, – улыбаясь, Кей протянул мне искусно сплетенную фенечку. – Вчера завязал последний узел.

Я резко притянула брата к себе и обняла его.

– Я тобой горжусь. Слышишь?

– Слышу... Не задерживайся. Когда ты задерживаешься, я сильно скучаю по тебе. Возвращайся поскорее.

– Постараюсь, – я надела браслет на запястье. – Красота. В самый раз.

Я резко распахнула глаза. Выходит, Кею уже шестнадцать лет? А Лив? Ей двадцать семь, как мне? Или мне уже тридцать три? Но я ведь не постарела ни на день, а они... Они, должно быть, да, сильно изменились.

С этой мыслью я стремительно поднялась в непривычно расшатывающемся гамаке. Было раннее, лишённое солнца утро. Располагающийся напротив гамак Дикой опустел. Мой взгляд поспешно переключался с него на стоящих возле потухшего кострища Абракадабру и какого-то парня, прозвища которого я ещё не знала:

– Где Дикая?

– Уже давно ушла, – басовито отозвалась Абракадабра.

– Куда?

– В Тёмный лес.

Пока что мне было наплевать на то, что такое Тёмный лес:

– Но она же обещала показать мне путь к ближайшему разрушенному городу.

– Она шутила так. Это был обыкновенный сарказм. Нет здесь никаких “ближайших развалин павших цивилизаций”. Здесь вообще ничего, кроме Паддока, нет.

Глава 7.

День 3.

Я стояла у силового поля. Практически полностью прозрачного, абсолютно реального силового поля. Заметить его невооруженным глазом было практически невозможно, но если в него врезать камнем или веткой – оно сразу же отторгает голубую искру. Ток. От болезненных воспоминаний в моей шее неожиданно разлилась фантомная боль, и я непроизвольно положила ладонь на то место, в которое Лив ударила меня кольцом-электрошокером, подаренным ей Айзеком... Может быть, это он научил её так поступить со мной? Даже если так, как она могла?!..

За силовым полем виднелись природные просторы – горы. Но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что это совсем не те горы, в недрах которых или за которыми скрывается Подгорный город. Эти горы были совсем другой формы, другого цвета и не той высоты...

Я обернулась и встретилась взглядом с Выводом, всё это время внимательно наблюдавшим за мной. Вывод был коренастым парнем с квадратной челюстью и крепким лбом, на вид ему было плюс-минус двадцать четыре, в глазах плескалось спокойствие.

– Дай угадаю: так по всему периметру, – совсем не обнадеживающим тоном произнесла я.

– Покрывает всё пространство. Мы в буквальном смысле под куполом.

Я посмотрела на небо. Голубое, с показавшимся наконец из-за сбежавших на север облаков солнцем.

– Стрелять вверх пробовали?

– Тринидад простреливала. Вверху силовое поле будто клонится к центру, как может быть с куполообразной конструкцией. До самого центра стрелы не долетают.

– Стрелы... У вас нет нормального оружия, – не спросила, но утвердила прискорбный факт я.

– Пошли, я покажу тебе остальные части Паддока. В конце концов, Дикая приставила меня к тебе экскурсоводом. Вывод: делать нечего, придется тебе терпеть моё присутствие до тех пор, пока всё здесь не увидишь.

Предводительница банды позаботилась о гиде для новичка. Как она сама бы выразилась: мило.

Локаций в Паддоке оказалось немного. Во-первых, место, в котором жгли костёр, висели гамаки и вместо крыши между деревьев были развешаны посеревшие от времени крупные материи, напоминающие квадратные простыни. Это место называлось Ночлежкой. Здесь ели и спали. Ночлежка располагалась на границе редкой лесополосы, встречающейся с широкой поляной, по которой накануне ночью я гуляла в компании Абракадабры и Яра.

Справа от Ночлежки, приблизительно в стах метрах, располагалось невысокое, вертикально прямоугольное и очень хлипкое на вид построение с одной отсутствующей стеной, которую заменял подранный полупрозрачный полиэтилен. Хранилище. Здесь обитатели Паддока хранили свои немногочисленные запасы продуктов и полезных вещей, которые им поставляли один раз в неделю вместе с новым человеком. Хранилищем заправлял Змеед, и заправлял он им ответственно: все консервы – не больше десятка банок – были ровно расставлены на опасно прогнувшейся, имитированной полке, какие-то мелочи были развешаны на стенах, что-то было ровно сложено в ящик, и, собственно, на этом всё. Какие запасы, такое и дело – нехитрое. Даже трехлетний ребёнок справился бы с таким. Однако Змеед, судя по надменному выражению

его лица, считал с точностью наоборот: едва ли кто-то помимо него смог бы так ровно расставить жестянки на уровне своих глаз!

В стах метрах слева от Ночлежки располагался Медпункт – место, в котором я очнулась и впервые увидела Дефакто с Нэцкэ. Данной локацией заправляли именно эти двое. Они считались кем-то вроде медиков. По совместительству Дефакто был ещё и травником, а Нэцкэ присматривала за урожайным огородом и пятью дикими яблонями.

В стах метрах по диагонали направо от Медпункта располагалась ферма. Как объяснил Вывод, ферму возвели в стороне от основных локаций, чтобы с её стороны не доносились неприятные запахи. Ферма представляла собой крышу и одну высокую стену, вдоль которой выстроились загоны. В одном из загонов обнаружилась коза, в остальных были птицы: с десятка курей, два индюка и трое гусей. Ферма была закреплена за Абракадаброй. Здесь же я встретила ещё троих обитателей Паддока – они помогали Абракадабре вычищать загоны. Рыжего по прозвищу Эффект я запомнила со вчерашнего вечера, остались ещё двое. Первого звали Парагрипп. Парень был среднего роста, с серым оттенком неровно остриженных волос, весёлыми глазами и нездорово бледной кожей. На вид лет девятнадцать. Второго звали Сладкий. Подсушенный кареглазый блондин с очень смазливой, прямо-таки “сахарной” внешностью. Вспомнив о том, что всем этим людям присвоила клички Тринидад, я мысленно отметила, что придумывая их она попадала в яблочко: Вывод часто произносил слово “вывод”, Сладкий выглядел неоспоримо приторно, я же и вправду была Отмороженной, и не только из-за криокапсулы...

У всех в Паддоке была своя должность, возлагающая на человека определённую обязанность. Абракадабра – фермер, Дефакто и Нэцкэ – медики, Вывод – повар, Змеед – заведующий Хранилищем, Сладкий и Парагрипп – освеживальщики плюс уборщики, Эффект и Бум – часовые, недремлющие по ночам и отсыпавшиеся днём. Следующим в списке шёл Яр. Его локация располагалась в двухстах метрах впереди между Ночлежкой и Медпунктом, посреди поля, на подходе к Тёмному лесу, и называлась Мастерской. Мастерская представляла собой единственное место во всём Паддоке имеющее четыре стены и полноценный потолок – даже Хранилище не могло похвастаться наличием добротного потолка. Все локации, кроме одностенной фермы с не внушающими доверие остатками деревянной крыши, имели тканевые потолки. Оказалось, что эти “крыши” обитатели Паддока мастерили из куполов парашютов, на которых сюда забрасывались новые люди.

– И что же, совсем все прибывают сюда на парашютах? – мы уже направлялись в сторону Мастерской Яра, когда я решила ещё раз уточнить о способе прибытия в это странное место новых поселенцев. Я никак не могла понять этого...

– Все без исключения, – утвердительно кивнул головой Вывод. – В сознание люди обычно приходят в воздухе, но бывали случаи, когда приземлялись и без сознания. Не успевающим очнуться в воздухе обычно с приземлением приходится ту же – ломают себе конечности, разбивают лица, иногда разбиваются насмерть. Из сейчас здесь живущих Змеед единственный, кто приземлился без сознания. Получил вывихи правых руки и ноги, отбил плечо и приобрёл трещину в ребре, но всё же умудрился выжить. Из-за травм, да и из-за непростого характера, отвели ему самое простое дело: сторожит консервы, не ноет и не мешает заниматься своими делами остальным.

За десять метров до Мастерской из высокой постройки вышел Яр. Вытирая руки о грязную тряпку, он выглядел всё же более привлекательно, чем смазливый Сладкий, а значит мог считаться самым привлекательным парнем в Паддоке. Но, конечно, он был не в моём вкусе. Вообще кажется, что после Конана мой вкус всерьёз изменился – теперь все, за исключением его одного, мне не по вкусу. Конан. Как он прожил эти шесть лет?.. Смог выжить? Не травмировался ли? Всё же завёл себе новые, здоровые отношения? Заметно ли постарел? Наверняка стал ещё более мужественным, а значит точно покрасивел...

Мысли о Конане внезапно заставили меня приуныть, плечи сразу же поползли вниз.

– Можешь оставить её здесь. Дальше мы сами, – вдруг произнёс Яр, обратившись к Выводу, после чего мой проводник пожелал мне удачи и отправился обратно, в сторону Ноч-лежки, на ходу пообещав на обед суп из куропаток.

Я встретилась взглядом с Яром. Парень вздохнул:

– Размазывать глину сможешь?

Глава 8.

К обеду стало жарко, из-за чего пришлось отбросить куртку на хорошо обтёсанный табурет, стоящий во вездесущей высокой траве, и остаться в майке. Яр и вовсе остался в одних шортах, уже спустя час после моего прихода избавившись от своей насквозь промокшей от пота серой футболки. Мы работали уже третий час и в основном молча. Мои руки были уже по локоть вымазаны в глину, которую, из-за отсутствия необходимых инструментов, приходилось месить вручную. Суть работы была проста: мы заделывали все щели вдоль досок, из которых была сколочена Мастерская, которые как бы хорошо ни были прибиты к крепкому каркасу, были настолько неровными, что прорехи приходилось заделывать сухой травой, поверх которой накладывалась густая глина. Глина набиралась нами у небольшого озера. Сначала я обрадовалась его наличию, но Яр предупредил меня не обольщаться – озеро было солёным и ничего в нём, помимо соли и глины, нельзя было раздобыть. Но одна лишь соль – это уже много. Вывод, отвечающий за поварскую деятельность, добывал её, конечно, с большим трудом, однако она была в наличии, так что из-за дефицита соли здесь не страдали.

Стоя спиной к озеру, через поле напротив можно лицезреть возвышающиеся, величественные пики крутых гор. Слева от озера разрослась редкая лесополоса, в сени которой расположились основные локации Паддока. За лесополосой сразу же начинается отвесный и кажущийся бездонным обрыв, в который силовое поле будто ныряет. Справа от озера лежит густой и как будто источающий из себя густую, и вязкую темноту Тёмный лес, врезающийся в залитую светом поляну мрачными вековыми елями и остроконечными соснами. Запад – обрыв, север – горы, восток – Тёмный лес, юг – солёное озеро, центр – большая поляна, заросшая высоким, диким пустоцветом. И всё это пространство накрыто гигантским силовым полем, о происхождении которого я не могла почерпнуть информации ни из истории человечества до Первой Атаки, ни из той же истории после Первой Атаки. Границы купола едва отблескивали на солнце и потому их возможно было рассмотреть с южной, западной и северной стороны, но границ купола, тонущих в Тёмном лесу, было не разглядеть.

Доставив до Мастерской очередное тяжелое жестяное ведро с мокрой глиной, я уперлась пока ещё чистыми ладонями в бока и, гулко выдохнув, врезалась взглядом в колючую стену Тёмного леса. Дикая ушла в Тёмный лес – так сказали Абракадабра с Выводом.

– У всех в Паддоке есть должности, – посмотрев вверх, на крышу, латанием которой в этот момент занимался Яр, я заговорила впервые за прошедший час. – Чем занимается Дикая? – произнесла вслух, я мысленно посмаковала её прозвище. Дикая. Такой свою предводительницу видят обитатели Паддока. Интересно, почему?

– Дикая – охотница.

– То есть вас всего одиннадцать человек, со мной уже двенадцать, среди которых есть двое часовых, двое освеживальщиков и даже заведующий полупустым Хранилищем, но при этом вы выделили себе всего одного охотника?

– Не недооценивай значимость часовых: хотя по ночам здесь и тихо, никто не может гарантировать того, что это не напускная безопасность. Освеживальщики помимо разделки дичи присматривают за животными и огородом, поддерживают в порядке территорию. Змеед, да, лынды бьёт, с этим не поспоришь, но все в курсе этого, и Дикая тоже. Лентяю, знаешь ли, лучше не доверять ответственную работу, если не хочешь после заниматься её переделыванием.

– Ты не ответил на мой вопрос, – поставив тяжелое ведро на табурет, я опустила правую руку в приятно прохладную глину и начала мять её. – Что с охотой? Почему с Дикой не

охотятся Дефакто, Эффект, Бум, Сладкий и даже ты? Вы крепкие парни, но на охоту ходит девушка, которая заметно много младше вас. Причём ходит в одиночку.

– Даже не вздумай соваться в Тёмный лес без оружия, – в голосе собеседника расслышалось отчётливое предупреждение.

– Так причина в оружии? У вас только один лук?

– Есть у нас и луки, и стрелы.

– Значит, проблема не в оружии. Отлично. Может уже скажешь, в чём она заключается?

Я подняла взгляд, чтобы посмотреть на высоко сидящего Яра, но он не посмотрел на меня в ответ. Что его нежелание отвечать на столь простой вопрос может означать? Тяжело выдохнув, я отошла от стены Мастерской и чистой рукой взяла жестяную кружку, и зачерпнула ею воду из стоящей в тени, и почти опустевшей кадки. После выхода из криосна, а может из-за вчерашнего выворачивания желудка наружу или из-за жаркого дня, меня мучила сильная жажда.

Когда я выпила полную кружку и установила её назад подле кадки, Яр вдруг решил заговорить:

– Поэкономнее с водой. Она у нас на вес золота. Единственный источник питьевой воды в Паддоке находится в Тёмном лесу.

– Только не говори, что и водой вас обеспечивает исключительно Тринидад. – В ответ Яр повёл бровями. – Что, серьёзно? – В моём тоне просквозило неприкрытое недоумение.

– Тринидад приносит дичь и воду из Тёмного леса. Каждый день.

– Теперь ты просто должен объяснить.

– В Паддоке всего двенадцать человек, как ты уже заметила. Ты пятидесятая. Где ещё тридцать восемь человек? – Я не ответила. – Не смогли выйти из тёмного леса.

– Только не говори, что они не заблудились.

– Они не заблудились.

– И что же с ними произошло?

– Без оружия в лес ни ногой, если жизнью дорожишь – это понятно? – решив проигнорировать мой вопрос, Яр задал свой, при этом тыча в моём направлении увесистым молотком.

– И где же вы храните оружие?

– Даже не думай об этом.

– Почему нет?

– Дикая решает кто и когда пойдёт, и пойдёт ли вообще в Тёмный лес.

– Это ещё почему?

– Это потому, что все, кто ушёл в Тёмный лес без неё, навсегда в нём и остались.

– Что же, только десять из пятидесяти человек ходили в Тёмный лес в её сопровождении, потому и остались в живых?

– Нет. С ней ходили в лес тридцать пять человек. Из них смогли вернуться обратно только десять. Ещё четырнадцать человек, не прислушавшиеся к инструкции по выживанию, любезно предоставленной им опытными людьми, ушли в лес без Дикой. Больше их никто не видел.

– Звучит как страшилка на ночь, – в ответ хмыкнула я, после чего вновь посмотрела на собеседника. – Что там, в лесу? Ты сказал, что в лес ходили все, значит в нём был и ты.

Прежде чем ответить, парень немного помолчал. Я видела, как на его лбу вдруг проступили глубокие горизонтальные морщины.

– Когда Дикая решит взять тебя с собой, сама всё увидишь, – наконец выдал он.

Я задумалась. Все эти люди находятся в полной зависимости от успеха лишь одного человека, научившегося добывать пищу и воду? Меня вдруг с головой накрыло дежавю: в подобном союзе я сама состояла совсем недавно. Целых шесть лет назад, кажущихся лишь шестью днями! Но Лив с Кеем были детьми, причём родными мне. Тринидад же, получается, пытается

прокормить целую толпу посторонних ей людей, состоящую, в большинстве своём, из мужских ртов.

– В Тёмном лесу есть что-то опасное, – начала размышлять вслух я. – Что-то, из-за чего люди из него не возвращаются. А те, кто однажды побывал в нём, не хотят заходить в него повторно и даже разговаривать о нём. Но Тринидад раз за разом уходит в это место и спокойно возвращается обратно.

– Таких, как Тринидад, не существует, – с неожиданным придыханием и поволокой во взгляде вдруг отозвался Яр. Неужели я только что рассмотрела влюблённость? – Но даже она не “спокойно” возвращается из Тёмного леса. Не хочу думать о том, что она каждый день переживает в том месте. И всё ради того, чтобы мы не загнулись от голода. Одной ей было бы проще. Одного перепела в сутки ей хватало бы с головой. Из-за нас же она таскается по Тёмному лесу днями напролёт. И чем больше людей в Паддоке, тем усерднее ей приходится охотиться, а значит дольше оставаться в лесу.

Его явно напрягал такой расклад. Да, он определённо точно влюблён.

– Но Дикая ведь не единственный источник вашего пропитания? В Хранилище Змееда я видела консервы.

– С каждым парашютистом нам спускают стандартный набор вещей, упакованных в деревянные ящики, те самые, которые впоследствии мы используем в качестве столов, стульев и подставок. В ящиках всегда лежит одно и то же: один гамак, малопригодная мелочёвка из инструментов и десятков консервов.

– На десяток консервов мог бы попробовать прожить неделю один человек, но не двенадцать людей, – заметила я.

– Так что питаемся тем, что добывает Дикая. Ещё есть несущиеся раз через раз куры, исправно доящаяся коза и кое-что с грядок Нэцкэ. Как-то перебиваемся. Голодно бывает только в двух случаях: если охота Дикой была неудачной и если в Паддоке становится слишком много людей.

– Слишком много? Это сколько?

– При мне нас однажды набралось семнадцать. Тринидад пропала в лесу с первым лучом рассвета и возвращалась с последним лучом заката, но нам всё равно едва хватало еды.

– И как же вы разрешили ситуацию?

– Она разрешилась сама. Четверо безумцев сбежали в Тёмный лес вскоре после очередного ухода Дикой на охоту. Ещё через несколько дней мы изгнали в ту же сторону ещё двух парней.

– Изгнали? Значит практикуете суровые наказания?

– Обычно нет. При мне было всего единожды, а до меня, исходя из рассказов Дикой, такого не случалось. Да до меня ведь и было всего десять человек, без учёта самой Дикой.

– За что же здесь могут приговорить к изгнанию?

В моём понимании причина должна была быть из разряда крайних. Это должно было быть чем-то таким, за что целая группа людей не сможет простить, чем-то таким, за что они *действительно* могут отправлять людей на верную гибель.

– Те двое решили восстать против Дикой. Сказали, что больше не намерены подчиняться её приказам и исполнять обязанности в Паддоке.

– И?

– И она решила, что ей незачем кормить тех, кто не желает трудиться во имя общего блага, а значит двигаться к цели выбраться из Паддока. – Она так решила. Не они все так решили, а она одна. Что ж, это честно, с учётом того, что она одна содержит всю эту ораву. – Дикая приказала, и мы вывели бунтарей в лес.

– И они не сопротивлялись?

– Их гордыня была слишком сильно ущемлена, чтобы просить о прощении. Мы вручили им по клинку и отправили прочь.

– Они могли вернуться и прирезать вас вашими же клинками.

– Это было вечером. Мы всю ночь караулили границу леса. Никто из него так и не вышел.

– А если они всё ещё там? В Тёмном лесу. Они ведь могут напасть на Тринидад, а её даже прикрыть некому.

– Прошло уже полмесяца. Едва ли они пережили даже первую ночь в Тёмном лесу. Поддай мне своё ведро с глиной, моя закончилась.

Взяв своё ведро, я подняла его над головой, чувствуя при этом удовлетворение от работы своих жаждущих после долгого сна движения мускулов, и подала его Яру.

– Это единственное строение в Паддоке, укреплённое со всех сторон: здесь есть крыша и четыре стены, в которых скоро не останется ни щели, и даже дверь. Ты сильно вкладываешься в эту постройку. Зачем?

– На всякий случай, – в тоне собеседника прозвучала тайна.

– На всякий случай? – я решила не отступать.

– От дождя, – он прищурился. Речь шла явно не об одном лишь дожде. О чём же ещё он недоговаривал?

– А как до сих пор вы справлялись с дождями?

– Натягивали поверх матерчатых потолков плёнку, но она малоэффективна: очень тонка, из-за чего её приходится сворачивать в сухую погоду, чтобы она случайно не порвалась до следующего дождя, да и не защищает со всех сторон.

Я представила Ночлежку в дождливый день, и мои мышцы невольно вздрогнули: спать в сырости – то ещё испытание.

– И часто здесь бывают дожди?

– Раз в одну-две недели. Для хорошего урожая с огорода достаточно. Они здесь в основном слабые и тёплые, может быть дело в силовом поле, так что всё просыхает достаточно быстро. Возьми мой шпатель и пройдишь им по своей работе, – он протянул мне сверху шпатель. Приняв инструмент и начав им орудовать, я решила продолжать расспрос:

– Вы говорите, что не помните ни своих прошлых жизней, ни даже своих собственных имён. Вы что же, совсем-совсем ничего не помните? Ни единой капли?

– Капли есть. Но только капли. Каждый помнит по одной капле и не более. К примеру, Сладкий помнит, что у него был младший брат, а Дефакто помнит лицо старшей сестры. Эффект помнит, как когда-то плавал в каком-то озере со странной розовой водой, Вывод помнит, как засыпал с серым щенком в обнимку, Бум помнит рыбалку на лодке, а Парагрипп помнит какой-то старый дом. Абракадабре запомнились фотографии на оклеенной обоями стене, но она не может ответить, лица родных ли ей людей были изображены на тех фотографиях или всё же то были просто фотографии неизвестных ей людей. Нэцкэ повезло больше всех – она помнит лица обоих своих родителей, хотя их имён назвать и не может. Змеед утверждает, будто помнит свою девушку и как целовался с ней, но, готов поспорить на свой обед, что он выдумывает, – при этих словах блондин искренне улыбнулся, и эта улыбка выявила на его лице новые черты красоты.

После рассказа о Змееде он замолчал, явно не собираясь продолжать. Подождав несколько секунд, я всё же решила спросить:

– Какая же капля воспоминаний досталась тебе из твоего прошлого?

– Помню, что у меня была собственная мастерская, но не помню, что именно я в ней мастерил. Помню только, что именно в ней при мне застрелили моего наставника, передавшего мне своё мастерство, но какое... Не могу вспомнить. Логично предположить, что я работал с деревом, потому что сейчас я не испытываю проблем в работе с этим материалом.

Я хотела высказать ему своё соболезнование по поводу его единственного воспоминания: из всех возможных вещей, среди которых наверняка имелось множество прекрасных мгновений, запомнить столь ужасную трагедию – это, должно быть, мучительно. Но наш разговор прервал подбежавший к Мастерской Бум.

– Ребята, пора обедать. Вывод приготовил суп из куропаток. И советую вам поторопиться, – уже на развороте добавил парнишка, – Дефакто сегодня голодный: грозитя съесть ваши порции, если вы не придёте в течение пяти минут.

Когда Бум уже отбежал от нас на полпути, я взяла в руки грязную тряпку, с которой Яр несколько часов назад встретил меня, и начала вытирать о неё руки.

– Можешь не торопиться. У нас не принято поедание чужих порций.

– И как вы этого добились в условиях периодической голодовки?

– Очень просто: Дикая пообещала лично прострелить ту руку, которая потянется к чужой порции.

– Я вчера съела две порции, – поведя бровью, заметила я.

– Вообще на новеньких в их первый приём пищи в Паддоке предусматривается три порции. В первый день после прибытия людей основательно штормит, так что у всех без исключения открывается сильный жор.

– Выходит, вчера не я съела лишнего, но мою порцию кто-то умял?

– Её съела Тринидад, – ухмыльнулся парень. – Если что-то остаётся в котле, мы всегда отдаём излишки ей – даже то, что остаётся с обеда. В конце концов, мы нахлебники, а ей нужны силы, чтобы с утра до ночи шататься по Тёмному лесу ради того, чтобы мы могли каждый день питаться не меньше, чем это необходимо для поддержания в нас жизненной энергии.

– И что бы вы делали без этой Дикой? – всерьёз задумалась я.

Вытирая руки о тряпку, забранную из моих рук, Яр ответил на одном глубоком выдохе:

– Как выражается Абракадабра: передохли бы.

Глава 9.

Теперь мне было ясно откуда у Дикой такой нерушимый авторитет: она – единственное звено, отделяющее всех обитателей Паддока от вымирания на почве голода. Вот только на этой почве произрастает слишком много вопросов:

1) Что такого находится в Тёмном лесу, из-за чего люди из него не возвращаются, а если возвращаются, не желают повторно вступать в него?

2) Почему Дикую не страшит это нечто так же, как страшит остальных?

3) Каким образом она свободно уходит в Тёмный лес и возвращается из него невредимой, при условии, что все остальные жители Паддока не могут себе этого позволить то ли из-за страха, то ли из-за чего-то ещё, пока что не видимого моему глазу?

4) Почему Неуязвимой является именно Тринидад и никто другой?

Безусловно ответы на все эти и многие другие вопросы существовали в природе, вот только никто, даже Яр, не жаждал делиться ими со мной. Стоило мне посмотреть в сторону Тёмного леса, как все сразу же беспокойно смотрели на меня. Стоило кому-то из них посмотреть в сторону Тёмного леса, как во взглядах смотрящих читались нервозность и неподдельное беспокойство. Но я готова была смириться с ожиданием: в конце концов, я проспала шесть лет, после чего за один полноценный день бодрствования узнала слишком много непонятных вещей, так что с новыми порциями вариантов правды можно было и повременить до момента усвоения моим сознанием предыдущих вариантов. Сейчас же меня гложило беспокойство иного рода: последний луч солнца уже давно скрылся за обрывом, сумерки уже сгустились в непроглядную темень, а Дикой всё ещё не было. Сегодня я всецело понимала вчерашнее напряжение жителей Паддока, нервно ожидающих прихода их предводителя. От возвращения Дикой в лагерь, очевидно, зависело слишком многое. На кону стояли жизни всех членов коалиции и, видимо, речь всерьёз шла и о моей собственной жизни тоже. Если Дикая не вернётся, кто займёт её место и станет охотником, если все так сильно страшатся Тёмного леса? Страшащийся не может быть охотником. Страшащийся может быть только жертвой. Я не испытываю страха. По крайней мере сейчас. Что неудивительно, ведь я ещё ни разу не бывала в Тёмном лесу. И я уверена в том, что что бы ни пряталось в его тени, я не сдамся, не испугаюсь так, как остальные, но... Но вдруг я не знаю, о чём говорю? Ведь я даже не знаю, где именно нахожусь, и до недавнего времени даже не знала, в каком именно году очнулась.

На поле послышалось сильное шуршание травы. Все сразу же обратили свои взгляды в темноту, замерли и прислушались. Именно в этот момент я словила себя на том, что, оказывается, не просто жду, но жажду увидеть Дикую живой и невредимой. Несмотря на все её интонационные и словесные намёки держаться от неё подальше, я не растеряла к ней чувства симпатии, а может даже укрепила его. Скорее всего, это было связано с тем, что Дикая была похожа на меня, как никто из прежде встречавшихся мне людей. Конечно, она заметно младше меня и внешне совсем другой типаж, но что-то в ней есть такое... Резко отличающее её от остальных. Её дикое нутро имело поистине нечеловеческий магнетизм и это было действительно странно, но в чём тут секрет я всё ещё не могла разгадать. Несмотря на то, что в течение дня я только и слушала ото всех о Дикой, внутренне я ощущала, что всё ещё слишком мало знаю о ней, чтобы понять в ней хоть что-то. И это “что-то”, это странное “что-то”, было крайне важным.

– Дикая, ты?! – вдруг выкрикнула в темноту Абракадабра.

– Нет, блин, тень Змееда, запутавшаяся в пустоцвете.

Стоило её мелодичному голосу только прозвучать, как все мгновенно, словно по волшебству, просияли. И я вдруг поняла, что уже не первый раз хочу использовать для описания её лица, фигуры и даже голоса существительное “нечеловеческий”. Может... Она не человек?

Существо из Тёмного леса, уходящее в него до первого луча солнца и появляющееся из него с наступлением ночи? Какой же бред!..

Бред, но... Стоило ей вынырнуть из ночи и оказаться в ореоле света, исходящего от костра, как я вновь удивилась её неестественной для местных условий красоте. Откуда такие пышущие здоровьем волосы? Откуда такая подозрительно гладкая кожа? Такие прожилки в таких больших глазах – откуда?!

От созерцания этой картинки меня неожиданно оторвал пригнувшийся к моему уху Бум, сидящий на соседнем ящике:

– Слышал, ты у Яра узнавала по поводу Тёмного леса, – поспешно зашептал парень. – Забудь об этом. Дикая не берёт в лес новеньких.

– Почему не берёт? – в ответ зашептала я, наблюдая за тем, как охотница отбрасывает к ногам освеживальщиков – Сладкого и Парагриппа – добычу в виде трёх кроликов, пяти белок и какой-то птицы.

– Боится потерять.

Меня передёрнуло от неожиданности перед услышанным. Дикая и вдруг чего-то боится? Я готова была услышать подобные слова о ком угодно, но только не о ней.

– Чего бояться-то? – наконец зашипела в ответ я.

– Ну, может причина в том, что она *уже* потеряла слишком многих.

Тридцать восемь человек. Да, счёт немаленький.

– Когда же она может взять меня с собой?

– Минимум через четыре недели.

Я резко выпрямилась. Через месяц?! Я не собираюсь молча сидеть на заднице ничего не делая целый месяц! Может с другими такое и прокатило, но со мной подобное точно не пройдёт.

Заняв своё место на самом высоком ящике, прямо передо мной, Дикая впервые с момента своего прихода посмотрела на меня, и наши взгляды сразу же пересеклись.

– Ну как развалины цивилизации? Много нашла? Проводишь посмотреть?

В её глазах читалось озорство. Но только в её глазах – лицо осталось неприступно холодным для играющих внутри неё в пинг-понг эмоций.

– Ты обманула меня, – едва уловимо прищурилась в ответ я.

– Сама виновата. Ты невнимательно слушала. Тебе ведь ясно дали понять, что в этом месте нет двери с надписью “Выход”.

Она приняла из рук Абракадабры свою порцию ужина: отварной картофель с мясом куропатки.

– Я хочу быть охотницей, – не раздумывая бросила я.

– У нас уже одна есть. Так что забудь.

– Почему нет? У вас ведь двое медиков, двое освеживальщиков, двое часовых. Почему охотников не может быть двое? – Все замерли, упершись напряжёнными взглядами в Дикую, которая тем временем спокойно уплетала картофель. – Ты ведь видишь, что голодных ртов здесь много, а я ем за двоих...

– Успокойся: не сможешь съесть больше, чем у нас есть. Да и Змеед бдит над нашими запасами так ответственно, что мышь носа не подточит. Так, Змеед? – в её тоне прозвучали отчётливые ноты сарказма, но Змеед, очевидно, их не уловил.

– Да, всё посчитано, всё стоит ровно, – с порывом отозвался парень.

– Слышала? Всё посчитано, всё ровно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.